

Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 14 (Отрава–Персона). М., 1988.

Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1896.

Сулоцкий А. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее. Омск, 1863.

Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.

Щапов Я. Н. и др. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII – первой половине XX века / Щапов Я. Н., Васильева Щ. Ю., Зырянов П. Н. и др. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 155–163.

Юзефович Е. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. № 3 (Март).

Якобий А. И. О миссионерском стане в стране Надыма и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого Севера: Сообщение почетного члена Тобольского Епархиального братства проф. А. И. Якобия // Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 7, 8, 10.

Е. Г. Неклюдов

КУПЕЦ А. А. КНАУФ И ЕГО КРЕДИТОРЫ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ИНОСТРАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА¹

Имя Андрея Андреевича Кнауфа было широко известно в предпринимательских и властных кругах России конца XVIII – первой половины XIX в., но оказалось незаслуженно забытым в отечественной, в частности уральской, историографии². Тем не менее роль этого человека (и стоящих за ним иностранных кредиторов) в истории уральской горно-заводской промышленности по своему уникальна, а значение многомерно и неоднозначно.

Появление иностранца Кнауфа в составе уральских заводчиков было связано с решением правительства Павла I об отдаче ему в бессрочную аренду Златоустовских (бывших Лугининских) заводов. 30 сентября 1800 г. появился указ императора директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову, в котором сообщалось, что на основании подтвержденного 19 мая мнения Императорского совета «об отдаче лугининских и походяшинских рудокопных заводов в вечное и наследственное содержание партикулярным людям всемилостивейше

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 04-01-83111 а/У.

² Краткие упоминания о нем находим в монографиях Н. И. Павленко [1962] и Е. С. Тулисова [1999], энциклопедии «Металлургические заводы Урала» [2001] и небольших статьях краеведов в периодической печати [см.: Павлов, 1999]. Кнауф ни разу не упоминается ни в работах по генеалогии московского купечества [см.: Аксенов, 1988], ни в «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.» [1989], ни в новейшем обобщающем труде «История предпринимательства в России» [2000].

соизволили, дабы лугининские заводы, выключая медеплавильный Миасский, отданы были московскому купцу Кнауфу» [ГАСО, ф. 24, оп. 3, д. 72, л. 23].

Это решение власти имело свою предысторию. Андрей Андреевич Кнауф появился на Урале, видимо, незадолго до этого события. Скорее всего произошло это в 1796 г., когда в компании с купцом Доути он был определен «комиссионером» от голландского торгового дома Яна и Карла Гассельгреенов и английского торгового дома Шнейдеров для управления Преображенским медеплавильным заводом, принадлежавшим обанкротившемуся московскому купцу П. М. Гусятникову. Как сообщалось в сенатском указе, Доути и Кнауф «взяли на себя распоряжение [заводом] единственно из угождения благодетелям своим де Гассельгреену и Шнейдеру» [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 187, л. 1–64]. Тогда, вероятно, и возник у Кнауфа и его иностранных покровителей план основательнее закрепиться в уральской горно-заводской промышленности путем покупки у капитана Ивана Максимовича Лугинина Златоустовского округа, доставшегося последнему по разделу с младшим братом Николаем 12 января 1797 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 6644, л. 16]. Лугинины приходились племянниками П. М. Гусятникову (первой женой которого была их родная тетка А. Л. Лугинина) [см. об этом: Аксенов, 1988, 162], который, вероятно, и поспособствовал сделке «комиссионера» его завода Кнауфа с находившимся под попечительством капитаном. Для этого Кнауф принял «вечное» российское подданство и записался в первогильдейское московское купечество.

Как сообщалось в справке Уральского горного правления, в 1798 г. им были куплены пять заводов этого округа. «Комиссионер» купца коммерции советник И. А. Карелин произвел оценку сделки в июле 1798 г., и по ней уже было выплачено владельцу 400 тыс. рублей, когда 20 мая 1799 г. по высочайшему повелению Златоустовские заводы неожиданно поступили в собственность Государственного ассигнационного банка. «В возмездие понесенных убытков и употребленных на устройство заводов издержек» Кнауфу из казны тогда же вернули 100 тыс. рублей, а выплата 300 тыс. рублей была рассрочена на несколько лет с процентами. Однако вскоре казенное управление по какой-то причине «оказалось невыгодным» (известно, что назначенный командиром заводов И. Ф. Фелькнер был ложно обвинен в различных злоупотреблениях), за чем и последовал указ от 30 сентября 1800 г. [см. об этом: ГАСО, ф. 24, оп. 3, д. 72, л. 2, 14; Тулисов, 1999, 270–275].

В соответствии с «кондициями», приложенными к этому царскому указу, Кнауфу отдавались четыре из пяти Златоустовских заводов (Златоустовский, Кусинский, Саткинский и Артинский с 5 244 рабочими душами) за исключением медеплавильного Миасского завода, где незадолго до этого была оборудована золотопромывательная «фабрика» (добыча золота в России до 1812 г. являлась коронной привилегией). Купцу полагалось ежегодно платить казне по 6 % с оценочной стоимости заводов, составлявшей 1 780 100 рублей, т. е. примерно 100 тыс. рублей, и нести все общие повинности. За право владения заводами Кнауф уступал казне «претендуемые им 300 тыс. руб. убытков, потерпленных при запродаже ему заводов от перевода и займа капиталов», и обязывался вернуть уже выданные 100 тыс. руб. Аренда признавалась не только бессрочной,

но и потомственной. Кнауф мог передать заводы «из наследников тому, кому по уважению способностей пожелает, разумея под сим российского подданного, а не инодержавного» (неизвестно, были ли у Андрея Андреевича дети; в документах «наследником» Кнауфа называли московского купца Антона Стольме), продать арендные права с ведома Берг-коллегии или вернуть заводы в казну. Вместо залога ему предоставлялось право застраховать заводы «в надежной страховой конторе» [см. об этом: ГАСО, ф. 24, оп. 3, д. 72, л. 23, 24; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 187].

Почти через год условия аренды были скорректированы. 3 июля 1801 г. высочайшим указом Кнауфу разрешили арендную подать выплачивать «голландскими облигациями», выпущенными в счет долга России, и во избежание излишних издержек на пересылку вносить их в Амстердаме банкирам де Смет. В Министерство финансов он должен был предоставлять только расписки о приеме облигаций к 30 сентября каждого года [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 463–465]. Очевидно, такой способ расплаты за аренду был удобен не только российскому правительству, но и Кнауфу, сохранившему свои заграничные связи.

6 октября 1801 г. был заключен контракт на указанных условиях. Дополнительно в нем устанавливалось, что в случае троекратной неуплаты в срок оговоренных сумм, казна могла поступить с Кнауфом «как с неисправным и нерадивым содержателем по силе законов». В качестве залога вместо предполагаемого страхования заводов купцу позволялось купить 1 тыс. крепостных душ. В контракте Кнауф упоминал, раскрывая круг своих связей, что уже сговорился с князем А. Н. Голицыным на покупку его калужского имения (в 1802 г. это имение, заложенное Кнауфом, будет отдано им «в казенное ведомство» в обеспечение отпущенного железа) [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 2989]. Но пока купчая не была совершена, предоставлял в залог данную ему уверенность от княгини Л. Н. Гагариной на 1 тыс. ее крепостных «с женами и детьми и со всеми землями» в трех губерниях. Кроме того, Кнауф предоставил в Берг-коллегию «свидетельства от бывшей в Варшаве комиссии» на 16 752 рубля, доставшиеся ему «по банковской надписи от негоцианта Бергина и компании» [ГАСО, ф. 24, оп. 3, д. 72, л. 14].

То, что Андрей Андреевич был не только хорошо знаком, но и пользовался доверием влиятельных и знатных лиц, свидетельствует другой контракт, заключенный им три года спустя, 16 сентября 1804 г., в Петербурге с бароном Г. А. Строгановым на аренду трех его Кыновских заводов. «Будучи уверен с самой лучшей стороны о Кнауфе по примеру нынешнего его управления заводами», барон разрешил тогда купцу «владеть сими заводами, управлять людьми, употреблять их в работы так, как бы то была его истинная собственность, надеясь твердо, что он, получая от всего того надлежащие и справедливые прибыли, не забудет ни моих выгод, ни людей, приписанных к заводам».

Условия долгосрочной аренды (заводы отдавались Кнауфу на тринадцать лет – с 1 ноября 1804 по 1 ноября 1817 г.) были довольно необычны. В качестве арендной платы купец обязывался нести все расходы по содержанию заводов, исполнять повинности и вносить банковские платежи и страховые взносы

(с общей суммы 571 229 рублей) за заложенные во Вспомогательном банке и застрахованные в Англии Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы. Следовательно, вся возможная прибыль шла Кнауфу, он не делился ею с владельцем, как это обычно бывает при аренде. Но по условиям контракта после его заключения купец предоставлял Строганову беспроцентную ссуду в 252 тыс. рублей, которую барон обязался возвращать по частям с 1810 по 1816 г., причем выплаты за последние два года (около 105 тыс. рублей) засчитывались в счет уплаты долга Вспомогательному банку [см.: ГАСО, ф. 24. оп. 25, д. 191, л. 2–11].

Можно предположить, что нуждавшийся тогда в деньгах барон согласился на аренду именно с целью получения этого займа: в результате у него сразу появлялась четверть миллиона рублей и он освобождался от ежегодных платежей по залогам. Кроме того, будучи назначен посланником в Испанию, Строганов собирался тогда надолго покинуть Россию и, по-видимому, рассчитывал отдать свои заводы в руки не просто наемному управляющему, а заинтересованному в развитии производства и, как он считал, надежному арендатору.

Кнауф в то время располагал большими капиталами и, арендуя строгановские заводы на столь длительный срок (по договору он мог быть продлен на год за каждую просрочку Строгановым взноса по займу), предполагал, видимо, рационализировать сложные производственные связи заводов и поднять их довольно низкую производительность. Арендатор обещал «ничего не запускать до разрушения» и даже получал право с согласия владельца строить новые заводы и приискивать рудники на землях Строганова, «не требуя в прибавку крестьян и заводских людей», а также «обучать людей на свой счет ремеслам, художествам и наукам, каким и где хочет». После истечения срока аренды он должен был передать владельцу «все новые заводы, фабрики, машины и все им сделанные заведения и открытые рудники... безденежно» [Там же, оп. 3, д. 127, л. 11–25].

Вероятно, доверие Г. А. Строганова к А. А. Кнауфу как надежному и обеспеченному партнеру укрепилось известием о том, что незадолго до составления между ними контракта купец приобрел в собственность у разорившегося И. П. Осокина медеплавильные Юговский, Курашимский, Бизярский и железные Нижний и Верхний Иргинские, а также Саранинский заводы. По купчей, заключенной 4 апреля 1804 г., Кнауф брал на себя погашение долга Осокина Вспомогательному банку в сумме 730 500 рублей, а 584 500 рублей вручал продавцу наличными. Кроме того, в 1802 г. Кнауф сделал еще одну покупку, приобретя у графа С. П. Ягужинского за 40 тыс. рублей недействующий Курганский медеплавильный завод с рудниками и лесами (правда, возобновлять производство он не стал) [см.: Павленко, 1962, 227, 360; Металлургические заводы..., 2001, 282]. Таким образом, в течение всего пяти лет Андрей Андреевич стал владельцем семи и арендатором (срочным и бессрочным) также семи заводов Урала, оставаясь еще и «комиссионером» Преображенского завода. Было чему восхищаться представителям российского горно-заводского дела, по-видимому, с завистью смотревшим на ворочавшего миллионами новоявленного московского купца и именитого гражданина.

Однако всего через несколько лет все предприятия Кнауфа оказались в полном провале. Особенно серьезно пострадали заводы, арендованные у Г. А. Строганова. Из-за банкротства Кнауф не сумел завершить начатую там перестройку, запустил заводы и прекратил платежи податей и банковского долга. По свидетельству принимавшего в 1818 г. заводы главноуправляющего именьями барона действительного статского советника Дружинина, за время аренды производство металлов на Кыновских заводах сократилось в 3 раза, заводские строения обветшали и требовали больших затрат на поправку, близкие к заводам леса оказались вырублены, а речки «обсушены», богатые рудники «завалены», горные укрепления разрушены, припасы не заготовлены, заводские люди «доведены до крайности разными необыкновенными поборами и налогами, собираемыми будто бы в замену заводских работ». В результате тогда пришлось полностью остановить Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы.

Скорее всего из-за подобных «успехов» арендного управления Кнауф поспешил согласиться возвратить заводы владельцу в установленные контрактом сроки, хотя, как сообщал его управляющий, челябинский купец В. Кураев, это было «противно его желанию». Кураев утверждал, что Кнауф принял заводы в такое время, когда от понижения цен на железо «терпел от оных большие убытки», кроме того, не только «не получал никогда от барона исправного по срокам платежа данного ему капитала... но и доньне он сполна платеж Кнауфу не окончил». По контракту в таком случае купец имел право продлить аренду, тем более в такое время, когда из-за повышения цен «мог бы не только возвратить понесенные им в минувшие годы убытки, но и получить сверх того немаловажные пользы». Но «единственно из уважения» к барону и его главноуправляющему Кнауф якобы согласился на возвращение заводов «с такою, однако ж, надеждою, что оставшийся на бароне Строганове капитал выплачен будет Кнауфу без промедления, равно и за понесенные им убытки не останется без удовлетворения».

Ответом на это «дерзкое» заявление стало письмо, направленное Дружининым в Горный департамент в феврале 1818 г. Строганов, сообщал он, сам давно имел право разорвать контракт «по просрочкам Кнауфом взноса в банк долгу, на заводах лежащего». Выплаты же Кнауфу занятых у него 252 тыс. рублей производились вовремя до 1814 г., когда они были остановлены «по причине неплатежа в банк за заводы долгу». По поводу убытков Кнауфа из-за изменения цен на металлы управляющий резонно возразил, что барону Строганову «в том никакого дела нет», поскольку контракт заключался «по доброй воле с обеих сторон». «По таковым обстоятельствам видно, – делал вывод Дружинин, – что Кураев... имел целью отбыть от ответственности за совершенное почти разрушение заводов барона Строганова и избавить доверителя своего и даже подвести аренду сию под общую статью по несостоятельности Кнауфа в пользу его кредиторов». Сам же арендатор, по уверению главноуправляющего, «по истечению срока аренды на обратный прием от него заводов сам здесь [в Петербурге] лично и охотно согласился». Департамент предписал Пермскому горному правлению «сделать со своей стороны надлежащие распоряжения»

по передаче заводов от арендатора владельцу, а по взаимным спорам предоставить им право разбираться там, «где следует по закону» [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 248, л. 1–2, 5, 12 об., 13–15].

Более успешно поначалу шли дела на Златоустовских и собственных Кнауфских заводах (так стали официально называться Юговские, Иргинские и Саранинские заводы). Купец энергично взялся за дело. По свидетельству чиновников Горного департамента, Кнауф «выписал из заграницы известного учредителя Златоустовской оружейной фабрики Эверсмана и других искусных людей и мастеров, положив, таким образом, начало нахождению при тех заводах иностранных мастеров, приобрел разные машины для учреждения новых полезных заводских устройств» и наладил там выпуск военной продукции (что, возможно, было негласным условием аренды), потребность в которой в то время быстро росла. На Златоустовских заводах началось литье орудий, артиллерийских снарядов, бомб и брандугелей. По сведениям за 1806–1808 гг. на Верхнеиргинском заводе, где новый владелец пытался организовать производство холодного оружия, работали англичане – механик Джон Вильсон, мастера «при ножевой фабрике» Эдвард Шерпин и Джеймс Вудланд, а также саксонец – гравер Иван Кесаль. Здесь же по заключенному с Кнауфом контракту «производил строение разных паровых и других машин, еще стройкою не оконченных и в действие не приведенных», коллежский асессор Осип Яковлевич Меджер, «уроженец английский». В одном из рапортов он был назван «содержателем Верхнеиргинской мануфактуры под фирмой Меджера и К°» [Там же, д. 8256, л. 1–32; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 1863, л. 27–28]. В 1817 г. было даже начато строительство Верхнесаранинского железоделательного завода для передела чугуна Нижнеиргинского завода.

По освидетельствованию Кнауфских заводов казной в 1809 г. выяснилось, что после покупки их у Мосолова в 1804 г. там было выплавлено 88 918 пудов меди (в среднем по 17,8 пудов в год), 318 320 пудов железа (по 63,7 тыс. пудов) и получена прибыль в 1 486 502 рублей (ежегодно около 300 тыс. рублей), что было совсем неплохо. Но проблемы, возникшие, как отмечается во многих документах, по заграничным торговым операциям Кнауфа и, вероятно, связанные с присоединением России к континентальной блокаде, в том году привели к «частовременному недостатку в суммах, необходимо нужных для большой и вероятной выгоды во всех заводских оборотах». В результате производство меди сразу упало на треть; не так резко, но снизилась также выделка железа [см.: РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 33–40].

В 1808 и 1809 гг. Кнауф «пропустил» два срока на взнос облигаций по аренде Златоустовских заводов и предъявил их «частью на 3-й срок и частью на 4-й». В 1811 г. министр финансов Д. А. Гурьев представил в Государственный совет расчет о состоящих тогда на Кнауфе казенных долгах, достигавших 450 тыс. рублей (так, в том же году только из Пермского горного правления было отпущено на содержание Златоустовских заводов 189 832 рубля). В результате 3 октября 1811 г. императором было утверждено мнение Совета «об отобрании» у Кнауфа Златоустовских заводов «по уважению расстройства, в которое пришли дела Кнауфа по торговле, и по той причине, что невзносом

в положенные сроки платежной суммы нарушен со стороны Кнауфа контракт». В то же время министр свидетельствовал, что «многие из заведений устроены были на сих заводах Кнауфом с немалым пожертвованием капитала, обещавшим как ему, так и правительству важные выгоды».

Из документов Министерства следует, что в 1812 г. бывший арендатор подал жалобу «на неправильное отобраение от него заводов», но «по каким-то соображениям она была оставлена без производства». Более десяти лет Кнауф просьбы своей не возобновлял, что означало истечение срока давности. В 1828 г. при составлении нового расчета по долгам Кнауфа вопрос о правильности изъятия у него Златоустовских заводов был вновь обсужден в Горном совете Министерства финансов. Хотя один из трех членов совета, директор Департамента государственного казначейства, считал, что Кнауфа нельзя было «почесть неисправным», поскольку он только дважды (а не три раза, как оговаривалось в контракте) пропустил срок платежа, министр Е. Ф. Канкрин, не вдаваясь в подробности, постановил «вопрос об отобраении от Кнауфа Златоустовских заводов считать совершенно конченным, ибо во всяком случае следовало отобрать от него заводы» [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 460–465; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 22–32]. Последняя оговорка и явное желание властей замять это дело позволяют предположить, что у правительства в 1811 г. были свои резоны вернуть в казенную собственность заводы с налаженным военным производством.

Это подтверждают также спешка и секретность, в условиях которых осуществлялась передача заводов казне. Обер-гиттенфервальтеру Клейнеру, назначенному главноуправляющим, в Министерстве финансов была дана секретная инструкция, которая предписывала, «чтоб ни одно из мастерств, заведенных Кнауфом, не останавливалось ни в ходу, ни в устройствах, ни в улучшении», а начатое литье орудий ему следовало «не только поддержать, но и употребить все меры к распространению и усовершенствованию оного в самоскорейшем времени». Управляющий особо должен был позаботиться об иностранцах, «дабы их удержать при заводе собственными их выгодами и пользою заводов». Министр требовал отправить Клейнера на Урал «со всевозможной поспешностью, дабы поверенные и кредиторы Кнауфа, узнав об отобраении от него заводов, не могли что-либо захватить в свою пользу к расстройству заводов и ко вреду казны». Пермскому берг-инспектору П. Е. Томилову, которому было приказано наблюдать за приемкой заводов, пришлось даже оправдываться за то, что на дорогу до Златоуста он потратил целых четыре дня, проезжая проселочными дорогами, где «на станциях по неимению почтовых и ямских лошадей в требовании обывательских настояли большие затруднения и остановки» [ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 2082, л. 3–9, 10–11, 18].

Описанные обстоятельства возвращения Златоустовских заводов в казну, впрочем, как отчасти и условия передачи их в свое время Кнауфу, не позволяют объяснить все скрытые пружины этого «темного» дела. Видимо, российское правительство не без оснований опасалось, что если не поторопиться расторгнуть аренду, то идущие к упадку заводы в преддверии грядущей войны в Европе могут попасть в руки иностранных компаньонов Кнауфа. Отобрав заводы,

власти потребовали еще и возвращения невыплаченных арендных платежей, составлявших без малого 450 тыс. рублей. Правда, никто их не платил до 1818 г., когда неожиданно выплату долга приняли на себя два крупных кредитора купца – бывший придворный банкир барон Александр Ралль и бывший компаньон Кнауфа по управлению Преображенским заводом британский негодциант Доути.

К тому времени долг с начисленными процентами подскочил уже до 687 052 (по другим данным – до 644 465) рублей. Ралль и Доути заключили с Кнауфом «условия», утвержденные сенатским указом от 2 апреля 1818 г., в соответствии с которыми они принимали на себя управление его заводами с обязательством заплатить долг казне в течение 12 лет «по равным частям» начиная с 1819 г. Кроме этого обязательства, «арендаторы» должны были уплатить долг Заемному банку, принятый на себя Кнауфом при покупке у Осокина Юговских заводов, который к тому времени составлял в «капитальной сумме» 687 974 рубля, а с процентами достигал 785 тыс. рублей ассигнациями. Возлагая на себя такие серьезные обязательства, коммерсанты, видимо, вновь рассчитывали не на свои собственные капиталы, а на крупный иностранный заем. Однако А. Ф. Ралль к этому времени уже утратил свое прежнее значение, его дела приходили в упадок, поэтому с займом произошла задержка [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 466–467; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 1–8; Ананьич, 1991, 12–14, 21; Лизунов, 1999, 37–38]. Ралль и Доути не смогли выполнить взятых обязательств по выплате долгов, а с 1820 г. перестали платить и горные подати. В этой связи 16 октября 1823 г. Комитет министров был вынужден разрешить доходы от продажи металлов Кнауфских заводов употреблять только на заводское производство и содержание людей. Взыскание с Ралля и Доути долгов Кнауфа и горных недоимок временно прекращалось, но из-за сохранявшейся надежды на иностранный заем управление не изымалось из их рук. Тогда же на заводы был отправлен коллежский регистратор Алемазов «для наблюдения за приходе-расходом денег, металлов, материалов и припасов» (попутно, по просьбе управляющего заводами Кураева, ему поручалось устройство пробирной лаборатории). Фактически над Кнауфскими заводами устанавливался казенный присмотр при сохранении кредиторского управления. Воспользовавшись своим положением, Ралль, видимо, получил несколько казенных ссуд и тем отсрочил на некоторое время банкротство заводов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 26–27].

Но финансовые проблемы не замедлили сказаться на их производительности. Уже в 1819–1820 гг. до 8,5 тыс. пудов сокращается выплавка меди и до 39,8 тыс. пудов выделка железа. «Умаление» производства, по анализу ситуации Горным департаментом, произошло «не от чего иного, как от недостатка оборотного капитала». Обещанный Раллем и Доути иностранный заем на 3 млн рублей, санкционированный министром финансов в августе 1824 г., видимо, так и не был получен [см.: РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 33]. В такой ситуации, утратив надежду на одних, власть сделала ставку на других частных кредиторов Кнауфа, среди которых к тому времени оказались не только одни иностранцы.

В том же 1824 г. им было разрешено «составить одну компанию для приведения в известность его [Кнауфа] частных долгов и учредить в течение 4-х лет другую компанию на акциях для устройства дел его». Первая «компания» (Комиссия по делам и имениям купца Кнауфа) была учреждена и утверждена императором 3 октября того же года. От лица «большинства кредиторов» в нее вошли коллежский советник Сальватори, надворный советник Лерхе, купцы Плацман и Вальтер и титулярный советник Гусятников (вероятно, один из членов семьи Гусятниковых, владельцев Преображенского завода, бывшего до начала 1810-х гг. в управлении Кнауфа и Доути). Комиссия была ликвидирована только в 1856 г. (хотя просила об этом еще в 1833 г.), когда, кроме Лерхе, в нее входили надворный советник В. Михайлов и титулярный советник М. Москалев.

Подсчитав все частные претензии к Кнауфу, Комиссия определила общую сумму долгов купца, достигавшую баснословной цифры в 14,1 млн рублей ассигнациями. Из них были признаны «подлежащими преимущественному удовлетворению» иски на 832 125 рублей, подлежащими «уравнительному удовлетворению» – на 11,5 млн рублей и «не подлежащим удовлетворению» – на 1 779 413 рублей. В числе прочих были предъявлены претензии от двух дочерей умершего к тому времени Доути, несмотря на то, что за время его и Ралля управления Кнауфскими заводами компаньоны сами остались должными казне почти 720 тыс. рублей. Вся эта сумма была записана в качестве долга барона Ралля. В феврале 1826 г. и позже по решению Комиссии уплата этих денег была отложена до составления акционерного капитала предполагаемой горной компании [см. об этом: РГИА, ф. 37, оп. 3, л. 8, 113, 116, 119 об.; д. 545, л. 27].

По оценке Горного департамента, «10-летнее управление Ралля и Доути не только не очистило заводы от долгов, но еще и увеличило оные по разным статьям». В результате 6 августа 1828 г. императором было принято решение о поступлении Кнауфских заводов в казенное управление. Для составления оборотного капитала выделялось до 300 тыс. рублей. Все казенные долги объединялись в две суммы, с которых выплачивались одни «узаконенные» проценты. Первая составила 1 254 387 рублей (в суммах есть разночтения в источниках) и выплачивалась государственному Заемному банку по 80 903 рублей, вторая сумма (963 019 рублей) включала долги еще по Златоустовским заводам и выплачивалась Государственному казначейству по 57 781 рублей в год. Хотя акционерная компания в назначенный первый срок не сложилась, тем же указом кредиторам было «вновь оказано снисхождение для приискания способа устроить дело сие в вящую их пользу». Правительство заверило их, что «когда скоро капиталом, приобретенным на акции или другим образом, заплачен будет банковый долг с оборотным капиталом, казенный и барона Ралля долг, то заводы немедленно утвердятся в собственности кредиторов». В течение следующих четырех лет они должны были привести план организации компании «в окончание и в совершенное исполнение». В противном случае власть пообещала «без малейшей новой отсрочки» приступить к продаже заводов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 72–74, 466–467].

Обер-гиттенфервальтер Вечеслов был назначен к приему и управлению Кнауфских заводов, а прежний управляющий Кураев определен депутатом от Комиссии, составленной из кредиторов обанкротившегося купца. 28 мая 1828 г. Вечеслов вступил в управление заводами. «Там, где само правительство заступает место хозяина, – ответил министр на запрос о том, следует ли ожидать уполномоченного от Кнауфа, – там в сведениях о воле заводчика надобность не состоит» [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 15, 92–95].

За шесть лет своего управления Вечеслов не смог поправить дела заводов. В 1831 г. здесь побывал с проверкой советник Горного правления обер-берг-мейстер Любарский. Он нашел «действие заводов вообще ограниченным или стеснительным, особенно по части искусственной, которая остается почти в том положении, как была прежде до казенного управления». Причиной этого, по его мнению, являлись ветхость «фабрик» и заводских механизмов, недостаток оборотного капитала, «каковому заводы сии давно уже подвержены», а также «убогое содержание руд, истощение рудников, недостаток в рабочих людях и оскудение в лесах», что было и при частной администрации. По его расчетам выходило, что самостоятельно заводы никогда не смогут выбраться из долгов, поскольку в среднем производили продукции на 373 758 рублей в год, а тратили на действие 425 521 рубль, т. е. на 51 763 рубля больше. «Все сие ясно доказывает, – заключал Любарский, – что заводы Кнауфа и при частной, и при казенной администрации работали в убыток». Обременительные выплаты казенных долгов еще более усугубляли положение заводов, которым не могла помочь и новая ссуда денег. Так, с 1828 г. было получено для составления оборотного капитала от правительства 274 475 рублей и в то же время изъято по долгам 373 199 рублей.

Главный начальник Уральских заводов А. А. Богуславский согласился с мнением советника о том, что Кнауфские заводы «никакой пользы для казны ниже для кредиторов Кнауфа доставить не могут», и рекомендовал высшему начальству продать заводы с публичных торгов для уплаты хотя бы некоторой части долгов или же «взять совершенно в казну, присоединив их к горной округе Пермских казенных заводов». Несколько позже и. о. берг-инспектора подполковник Д. С. Меньшенин высказался в том же духе. Проведя в 1833 г. ревизию заводов, он заметил, что «по географическому и геологическому положению, по разнородности своего производства и по весьма значительному расстоянию медных заводов от железных» они «не должны составлять одного округа». Он предложил «при взятии в казну» Юговский, Бизярский и Курашинский медеплавильные заводы причислить к Пермскому казенному округу, а железные Иргинские и Саранинские объединить с казенным Артинским заводом и образовать «отдельный округ второклассных заводов со штатами Пермских или Воткинских заводов». Однако Е. Ф. Канкрин отверг эти довольно разумные предложения. Он все еще опрометчиво надеялся на то, что вытащить заводы из долговой ямы смогут многочисленные и, видимо, далеко не бедные кредиторы Кнауфа. Четырехлетний срок, предоставленный им для составления компании, к тому времени еще не истек, и министр рассчитывал на положительный результат. Поэтому он отказал в новых казенных кредитах

и не дал санкцию на «новые постройки и улучшения по искусственной части», ввиду, как он полагал, уже скорого истечения срока казенного управления [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 701, л. 435–444, 447–449; оп. 23, д. 4701, л. 97 об.–98].

Но случилось так, что государству пришлось содержать Кнауфские заводы еще в течение двадцати лет. Это был единственный в первой половине XIX в. случай столь длительного казенного управления частным горно-заводским округом. Хотя, по признанию горного начальства, это было связано «с немаловажными затруднениями и ответственностью» для казны, другого выхода не предвиделось, поскольку продать заводы с огромными долгами оказалось безнадежным делом, кредиторы до поры до времени отмалчивались, а сам А. А. Кнауф или выехал за границу, или отошел от дел. Есть сведения, что еще в 1811 г. он, Стольме и «генеральный королевско-шведский агент» Конрад де Гассельгреен были «выпущены из Москвы» [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 187, л. 1–64]. Наиболее приемлемым способом вернуть долги в такой ситуации власти посчитали неограниченное временем казенное управление, фактически сравнивавшееся с казенным владением, несмотря на все попытки казны освободиться от этой обременительной обязанности. Но это решение далось государству отнюдь не легко и не быстро.

Когда в 1832 г. истек данный кредиторам срок для устройства акционерной компании, но «со стороны их к уплате казенных и банковских долгов ничего не было предпринято», 16 февраля царь повелел подвергнуть заводы публичной продаже, а до тех пор делать им необходимые денежные пособия из сумм Горного правления. Как это часто практиковалось, в типографии Московского университета были напечатаны объявления о продаже. Однако по свидетельству Горного департамента ни одна из назначенных продаж не состоялась. Вследствие этого 6 октября 1836 г. Комитет министров постановил, «не обращая заводы Кнауфа решительно в казенное ведомство, оставить оные впредь до дальнейшего усмотрения в настоящем казенном управлении». Частные кредиторы были «наказаны» устранением их депутата от наблюдения за заводами. Долги Заемному банку, Государственному казначейству и горному ведомству было определено числить в капитальной сумме с наросшими процентами с тем, чтобы по долгу казначейству и горному ведомству «дальнейший счет текущих процентов прекратить», а по долгу банку «отнести на резервный капитал безвозвратно в виде банкового убытка». После пересчета долг казначейству составил 1 582 063 рубля ассигнациями или 452 078 рублей серебром, долг банку – 2 343 549 рублей ассигнациями или 669 515 рублей серебром. Предполагалось, что в результате всех этих послаблений ситуация улучшится и через год или два заводы вновь будут назначены в продажу «при правлении Заемного банка». Но 15 февраля 1844 г. Комитет вновь постановил не назначать заводы в продажу и оставить их по прежнему в казенном управлении «впредь до дальнейшего усмотрения» [РГИА, ф. 37, д. 8256, л. 1–8, 22–32; д. 545, л. 17].

Возможно, на позицию властей повлияло то, что заводы начали, наконец, постепенно поправляться. В 1834 г. место Вечеслова, которого обвинили в разных упущениях и беспорядках, вызвавших жалобы мастеровых, занял переведенный

с Сысертских заводов инженер-майор Н. С. Меньшенин. Заводы были приняты им без оборотного капитала, с ежегодным убытком в 35 700 рублей серебром и большими долгами. Хотя мастеровые продолжали жаловаться на недостаток плат, по подсчетам самого управляющего в течение его 5-летней деятельности «вместо убытка заводы стали приносить доход более 86 тыс. руб. и доставили чистой прибыли до 400 тыс. руб.». Заслуги Меньшенина были по достоинству оценены: его произвели в подполковники, наградили орденами Святой Анны 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени и 10 тыс. рублей. Но, по словам управляющего, «достижение сего результата совершенно разстроило его здоровье», и «по болезни» он вышел в отставку «с мундиром и пенсионом в 571 руб. сер. за 25-летнюю по горной части службу». Кнауфские заводы были им сданы преемнику «с наличным капиталом в 245 900 рублей и с двухгодичным запасом провианта» [ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 6947; 7268; оп. 32, д. 402, л. 1–3; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 743, л. 33–43].

К 1851 г. под управлением инженер-капитана Б. И. Кенига выплавка меди вновь поднялась до первоначального уровня и составила 16 170 пудов, а выковка железа достигла 138 тыс. пудов. Оборотный капитал равнялся 200 тыс. рублей, а прибыль в период с 1841 по 1851 г. колебалась от 40 до 94,7 тыс. рублей в год и в среднем составляла 61 тыс. рублей серебром. За время казенного управления более 900 тыс. рублей было возвращено в казну, так что к 1852 г. капитальный долг Заемному банку, за который и было учреждено казенное управление, был полностью погашен, а долг казначейству и горному ведомству за аренду Златоустовских заводов сокращен до 206 857 рублей. Без оплаты оставался долг барона Ралля, который Комиссия кредиторов еще в 1826 г. отнесла на счет будущей компании [см.: РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 22–32; 46–49; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1923, л. 1–6; ф. 24, оп. 32, д. 2736, л. 61].

В начале 1852 г. частные кредиторы Кнауфа, которые терпеливо ждали своего часа, обратились, наконец, в Комитет министров с просьбой об учреждении акционерной компании. Они просили также сложить оставшиеся казенные долги с заводов или выдать под залог ссуду для полного их погашения. «Банк и казначейство по долгам Кнауфа, – посчитали они, – не только не понесли никакого существенного ущерба, но, напротив, получили весьма значительные интересы от получения банком вместо первоначального долга Осокина (730 500 руб. асс.), перешедшего на Кнауфа, капитала простирающегося более 3 млн. руб. асс., т. е. более чем вчетверо; от перевода долга Ралля с процентами до 700 тыс. руб. асс., который был почти безнадежен к получению от самого барона; от поступления в казну Златоустовских заводов, приведенных Кнауфом в устроенное состояние и чрез то приносящих казне значительные выгоды; от неуплаты Кнауфу следовавших ему от казны за убытки при уступке Златоустовских заводов 300 тыс. руб. асс. и, наконец, от начисления в пользу казны значительных процентов и штрафных на такие суммы, кои не были действительно выдаваемы, а только следовали к поступлению на содержание Златоустовских заводов, между тем как подобного рода зачеты и взыскания, за силою неоднократных Всемилоштивейших манифестов, подлежали сложению». В то же время частные кредиторы, полностью устраненные «от

участия в интересах, извлекаемых с имения должника их Кнауфа», понесли «уже вознаграждаемые потери так, что некоторые, пожертвовав единственным своим достоянием Кнауфу, пришли от невозврата своей собственности в крайнее разорение».

Напомнив кредиторам, что им дважды предлагалось составить акционерную компанию и взять Кнауфские заводы в свое управление, но они сами этим правом не воспользовались, в Уральском горном правлении тем не менее решили, что в настоящее время, когда заводы приведены «в столь устроенное состояние», что вполне могут самостоятельно платить по долгам и исправлять подати, казенное управление ими «делается уже излишним». Кредиторы, посчитали там, предлагают «благонадежный способ» к уплате оставшихся долгов, и согласились с передачей управления компании. Директор Горного департамента И. А. Фуллон поддержал решение регионального горного начальства, «присовокупив, что учреждение компании было бы едва не самой лучшей мерой к сохранению столь значительного горнозаводского имения в устроенном состоянии», и тем самым «был бы положен конец тем затруднениям, кои столько лет обременяли начальство по делам кнауфским» [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 1–8; 20 об.].

30 декабря 1852 г. и 13 января 1853 г. дело рассматривалось в Комитете министров. К этому времени кредиторами был подготовлен проект устава будущей компании. Поскольку его составили по образцу уставов уже действовавших в России Общества Царевской мануфактуры (1836), Товарищества Суксунских горных заводов (1848) и Санкт-Петербургской компании для обогащения извести (1852), утверждение прошло без особых проблем. В «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано распоряжение правительства от 21 января 1853 г.: «По прошению кредиторов купца Кнауфа, владеющих более трех четвертей претензий на Кнауфа, признанных и составляющих около 3,5 млн. руб. сер., предоставляется им в полное владение и распоряжение находящиеся ныне в казенном управлении горные заводы Кнауфа в Пермской губернии и дозволяется для управления заводами учредить Горную Компанию на акциях с выдачей под залог сих заводов из Государственного Заемного банка ссуды для уплаты казенных долгов» [Там же, л. 71; С.-Петербург. Ведомости, 1853, № 16, 24 февр.].

13 января император утвердил Устав компании и положение Комитета министров. 26 февраля «для пополнения долгов» из банка под залог семи заводов с 7 346 рабочими душами, 279 215 десятинами земли (в т. ч. 189 472 десятинами леса), оцененными еще в 1824 г. в 4 985 977 рублей ассигнациями (1 424 565 рублей серебром), была выдана новая ссуда в 341 600 рублей серебром на 37 лет [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 72, 46–49; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 2736, л. 16 об., 57–58, 61]. Такая операция давала формальный повод для освобождения заводов от казенного управления. Учредители компании составили «реверс» в том, что они не будут предъявлять никакого иска к казне ни по долговым расчетам, ни по казенному управлению заводами.

Это обещание подписали 30 акционеров компании, новых владельцев заводов уже умершего к тому времени московского купца А. А. Кнауфа. В их

состав входили тайный советник и сенатор Евграф Петрович Ковалевский, действительные статские советники Густав Васильевич Лерхе и Трейтер, статские советники Карл Гиппиус и Реслер, коллежский советник Федор Тевес, титулярный советник Михаил Москалев и коллежский ассессор Василий Михайлов; свояки полковник Дмитрий Иванович Николаев и подполковник Павел Васильевич Берг (их жены из рода купцов Ярцовых владели Шайтанскими заводами); почетные граждане Явсалов, Евграф Корякин, Карл Нотбек и Андрей Матиссен; купцы 1-й гильдии Антон Антонович Гитшов и Август Ермолаевич Кноп; петербургские иностранные гости Иван Сегель и Густав Стерки с сыном, коммерции советник Франц Брондебург, секретарь М. Филиппи, два брата Крамер, ревельский биргер Андрей Израиль и даже дамы – капитанша Эмилия Липранди, действительная статская советница Лабенская, коллежские советницы Юлия Крамер и Елизавета Губарева. Среди первых акционеров значился и крупнейший петербургский банкирский дом «Барон Штиглиц с К^о». Из перечисленных участников Ковалевский, Лерхе и Гитшов (последние два входили и в состав директоров Товарищества Суксунских заводов) составили правление компании (разместившееся в Петербурге во 2-й Адмиралтейской части в доме Евреинова) и открыли его деятельность 25 января 1853 г. [см.: ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1923, л. 6, 7–8].

Правление поспешило заручиться поддержкой и «начальническим покровительством» В. А. Глинки. На это главный начальник выразил свою готовность и искренне пожелал, «чтобы заводы, снабженные теперь всем нужным для выгодного их действия, достигли при новом управлении до самых удовлетворительных результатов». Он пообещал также, что до передачи заводов их управление сохранится «на прежнем положении», но порекомендовал не очень затягивать это «переходное состояние». Правление выбрало новым управляющим Кнауфских заводов отставного инженер-полковника Б. И. Кенига, ранее уже исполнявшего эту должность. 30 июля 1853 г. он принял управление у подполковника П. А. Мейера вместе с наличной суммой в заводской кассе, заготовленными припасами и выплавленными металлами на 235 тыс. рублей. После «разбора прав» на земли Саранинских заводов (которые, в отличие от остальных пяти заводов, оказались купленными, а не отведенными от казны), эти два завода были признаны владельческими и свободными от платежа полуторной горной подати [Там же, л. 10, 11–12, 14 об., 22, 35; оп. 1, д. 416, л. 55–60].

Таким образом, кредиторы получили возможность на льготных условиях вернуть хотя бы часть так неудачно инвестированных капиталов. Согласно параграфу 3 Устава компании, всего выпускалось 2 437 акций номиналом в 500 рублей, что составляло 1 218 500 рублей серебром. Количество акций было определено по ценности заводов, из которой были исключены суммы, равные казенному долгу по залогу 1853 г., 310 акций «обращались на удовлетворение капитальным рублем кредиторов, имеющих преимущественное право», 2 тыс. акций разделялись между прочими кредиторами «по соразмерности их претензий» взамен выданных Комиссией кредиторов в 1824 г. свидетельств на те претензии. Оставшиеся 127 акций предназначались «на непредвиденные надобности

или же на усиление оборотного капитала». В соответствии с составом кредиторов владеть акциями Кнауфских заводов было разрешено дворянам, лицам свободного состояния и иностранцам (§ 4 Устава).

Правление состояло из трех директоров, избираемых на три года из числа акционеров, владеющих не менее чем 40 акциями, и трех контролеров «для проверки отчетности и заступления места директора» (§ 11, 31). Ежегодно в марте на общее собрание они представляли баланс и годовой отчет, а один из директоров переизбирался (§ 28). Каждый акционер мог присутствовать на общем собрании, но правом голоса обладал только тот, кто имел не менее 10 акций. Владельцу 40 акций предоставлялось 2 голоса, 100 акций – 3 голоса, 150 акций – 4 голоса, 200 акций – 5, а 250 и более акций – 6 голосов (§ 20). Ежегодный доход шел первоначально на погашение банковского долга, платежей, расходов на заводское производство и по делам компании, а остаток уже разделялся между акционерами (§10). Срок деятельности компании был неограниченным и зависел от желания самих участников «продолжить, приостановить или ликвидировать дела Компании с согласия министра финансов» (§ 42) [РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 72–105].

Как и в случае с первой на Урале Суксунской компанией, акционеры, состоявшие в основном из кредиторов Кнауфа, не принесли с собой новых капиталов. По документам правления за 1859/60 заводский год всего только 199 акций, принадлежавших «необъявившимся кредиторам», были проданы (согласно § 5 Устава) на бирже. Вероятно, доход от них (составивший 49 750 рублей, поскольку по рыночной цене акции продавались всего по 250 рублей) и стал единственным денежным приобретением компании. Ее главной ценностью оставались переданные казной заводское имущество и оборотный капитал. По компетентному мнению Ю. А. Буранова, судьба компании была предreshена в момент ее появления, поскольку целью акционеров было не обновление и расширение производства, а получение ранее вложенных средств [см.: Буранов, 1982, 6–66].

Тем не менее, судя по значительно возросшему (с тридцати в 1853-м до семидесяти четырех в 1864 г.) составу участников, акции Кнауфской компании все-таки пользовались спросом на бирже, продавались (из первоначального состава вышли 8 фамилий) и покупались (появилось 45 новых фамилий). Но интерес к ним был вызван вовсе не высокими котировками или дивидендами, а характерным для 1850-х гг. ажиотажным спросом на новый вид ценных бумаг, появившихся тогда на российской бирже [см.: РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 1128, л. 3–4; Лизунов, 1999, 42].

В первый год деятельности было получено 112 344 рубля прибыли, но за исключением пошлины, уплаченной при составлении «владельческого акта», издержек «на обзаведение» и печатание акций, первой выплаты по банковской ссуде, платы директорам (5 % с прибыли) и прочий доход на одну акцию составил всего 12 рублей 50 копеек. Во второй год у компании уже возникли проблемы. По свидетельству дирекции, «от чрезмерного утонения пластов медной руды» ее добыча значительно уменьшилась вместе с выплавкой металла, в результате чего дивиденд составил всего 3 рубля.

Последний дивиденд по 5 рублей на акцию был выдан в 1858/59 г. В 1854/55 и 1855/56 гг. для восполнения уже ставшего убыточным баланса «уничтожили» 34 из числа отложенных на непредвиденные расходы 127 акций. В 1859/60 г. та же судьба постигла еще 11 акций. В том году на Кнауфских заводах был выплавлен всего 8 001 пуд меди и выковано 117 225 пудов железа, что свидетельствовало о явном упадке производства. В результате прибыль составила всего 19 112 рублей. За вычетом расходов правления (5 859) и выплаты за 7-й год по банковской ссуде (18 788) убыток составил 5 535 рублей. Ни о каких дивидендах уже не могло быть и речи. Директора Е. П. Ковалевский, Г. В. Лерхе, А. А. Гитасов, контроллеры А. А. Перетц, Г. Г. Лерхе, К. К. Нотбек и бухгалтер Э. Кнорре расписались тем самым в полном банкротстве компании [см.: ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1923, л. 48–51, 55–56; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 8256, л. 125–129].

Последними своими административными решениями правление закрыло Курашимский и Бизярский заводы с санкции министра от 26 января 1863 г. Следующим вполне закономерным шагом стало ходатайство директоров о восстановлении казенного управления «за неимением в распоряжении Компании никаких средств продолжать заводское действие». 31 августа 1864 г. последовало высочайшее распоряжение вновь взять Кнауфские заводы в казенное управление с назначением их в публичную продажу на удовлетворение так и не выплаченного полностью казенного долга. Нечего и говорить, что вписанные в реестр акционеров того года 74 человека окончательно утратили надежду на возвращение своих денег. Вместе они владели 2 223 акциями компании, более половины которых (1 143, или 51,4 %) находились в руках всего шести участников: петербургской почетной гражданке С. К. Гитасовой принадлежало 428, действительным статским советникам Г. Г. Лерхе – 222 и Ю. Ф. Фрицше – 140, подполковнику М. Г. Лерхе – 125, генерал-майору А. А. Перетцу – 120 и банкирскому дому «Штиглиц и К^о» – 105. Несколько больше половины акционеров (53 %) были владельцами «неголосующих» пакетов (до 9 акций). Но ни крупным, ни мелким акционерам ничего не могло достаться от возможной продажи заводов, которая, по мнению директоров, вряд ли была в состоянии покрыть хотя бы казенный долг. Они просили министра финансов М. Х. Рейтерна после закрытия компании передать ее дела на хранение «в надлежащее место» на случай «могущих потребоваться справок» или если вдруг все-таки окажется после продажи заводов остаток для раздела между бывшими акционерами [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 2997, л. 1–8; РГИА, ф. 37, оп. 3, д. 1128, л. 1–4, 12, 16].

В сентябре правление компании предписало управляющему заводами инженер-полковнику Дорошину сдать их со всем имуществом. Новое казенное управление оказалось не столь эффективным, как прежнее. Из-за отсутствия покупателей и бесперспективности продолжения управления в связи с истощением природных ресурсов в 1860–1880-е гг. все Кнауфские заводы были закрыты [см. об этом: *Металлургические заводы...*, 2001, 69–70, 234–236, 281–282, 412–413, 522–523]. Но память о неудавшемся уральском заводчике Андрее Андреевиче Кнауфе тем не менее осталась в истории. Его имя получили заводы

и одна из первых на Урале акционерных компаний, с его именем ассоциируется начало производства высококачественной стали в Златоусте, его именем подписаны несколько научных статей, опубликованных в авторитетном «Горном журнале». Однако личность купца А. А. Кнауфа, на наш взгляд, остается одной из самых интригующих, так до конца и не разгаданных в истории уральской горно-заводской промышленности первой половины XIX в.

Его путь к обладанию Уральскими заводами был очень быстрым (1800–1804), хотя и имел небольшой подготовительный период (с 1796 г. управлял Преображенским заводом П. М. Гусятникова). Но путь этот не был гладким. Первая попытка покупки у И. М. Лугина в 1798 г. Златоустовских заводов была аннулирована властью по не вполне ясным мотивам, скорее всего из-за обнаруженного там золота или не устроивших казну условий сделки. В дальнейшем для достижения цели Кнауф использовал практически все возможные способы «проникновения» на Урал: от бессрочной (в 1800–1811 гг. у казны Златоустовских заводов) и срочной (в 1804–1817 гг. у Г. А. Строганова Кыновских заводов) аренды до покупки (в 1802 г. у С. П. Ягужинского недействующего Курганского и в 1804 г. у И. П. Осокина Юговских) заводов. За все эти 14 предприятий Андрей Андреевич «выложил» немалую сумму – 1 240 тыс. рублей. Судя по предыстории и последующей судьбе купца, это были не только его собственные средства, но и капиталы стоящих за его спиной европейских банкиров и предпринимателей. В этой связи можно рассматривать «приход» А. А. Кнауфа на Урал как один из первых примеров крупномасштабных инвестиций европейского частного и банковского капитала в промышленность крупнейшего металлургического региона России.

Вместе с иностранцем Кнауфом, принявшим сословный статус российского купца, и иностранными капиталами в эту промышленность «пришли» и иностранные специалисты, техника, отчасти формы организации управления и труда. В одном из своих донесений Берг-коллегии купец сообщал, что достиг «усиления заводского действия» путем «найма вольных работников, заведения и устройства полезных машин, уменьшающих число рук, усиливающих самое действие» и усовершенствующих работу [см.: Павленко, 1962, 49]. Происходило это в то время, когда Урал впервые испытал жесткую конкуренцию на европейских рынках дешевого английского металла и стоял на пороге серьезных перемен, осознанных лишь единицами заводовладельцев.

Эта эпоха, и не столько ее экономические, сколько политические приметы, стала своего рода индикатором состоятельности всех этих «проектов». Разворачивающийся в начале XIX в. общеевропейский конфликт (Наполеоновские войны) и переменчивая «политическая конъюнктура», нарушавшая прежние внешнеэкономические связи, не позволили полностью реализоваться успешно начатым предприятиям Кнауфа и его кредиторов. Положение усугублялось тем, что в управление и владение купца поступили заводы, требовавшие не только серьезной технической модернизации, но и бесперебойного финансирования, поскольку ни одно из хозяйств не имело достаточного оборотного капитала, а Юговские и Кыновские заводы находилось под банковским залогом. Быстрорастущие и преимущественно заграничные кредиты стало сложнее

получить, а из-за проблем со сбытом продукции нечем отдавать. Не оправдался и расчет Кнауфа на достижение быстрых результатов в модернизации производства, потребовавшей ввиду громоздкости производственной структуры окружных хозяйств длительного времени и больших капиталов, необходимых к тому же для поддержания всей социоэкономической инфраструктуры горно-заводских округов.

Итогом явилось разорение Кыновских и банкротство Юговских (Кнауфских) заводов. Испытывавшие финансовые трудности Златоустовские заводы с налаженным военным производством в преддверии войны казна поспешила вернуть в свою собственность. С поступлением в 1818 г. Кнауфских заводов в управление барона А. Ралля и купца Доути Андрей Андреевич Кнауф, видимо, окончательно сошел со сцены, оставаясь лишь номинальным владельцем округа.

Взяв инициативу в свои руки, государство дважды делало ставку на иностранных инвесторов, бывших кредиторов Кнауфа. Но ни Ралль и Доути (1818–1828), ни акционеры компании Кнауфских заводов (1853–1864) не смогли справиться с финансированием предприятий, имевших крупные долги перед казной. Первые не сумели получить иностранный заем на развитие заводов, вторые обанкротились в основном из-за несовершенства акционерной формы управления, делавшей лишь первые шаги в российской экономике. Наиболее эффективным (хотя не сразу и не без проблем) стало для Кнауфских заводов беспрецедентно долгое первое казенное управление (1828–1853). Четверть века потребовалось казне, чтобы погасить лишь основную массу государственных долгов Кнауфа. Но, справившись с этой задачей, горные власти отказались продолжать управление или взять заводы в казенную собственность, несмотря на предлагавшиеся вполне обоснованные проекты. Основной причиной этого оказались громадные частные долги Кнауфа, достигавшие 14 млн рублей ассигнациями, игнорировать которые казна не могла, точно так же как не могла и взять на себя их погашение. В результате власть прибегла к необычному и новому для того времени способу акционирования заводов, что, однако, не принесло нужного эффекта. Безрезультатными оказались и неоднократные попытки продать ставшие убыточными Кнауфские заводы с публичных торгов. В такой ситуации не оставалось иного выхода, как закрыть заводы, так и не сумевшие выйти из финансового кризиса, продолжавшегося более полувека.

Итак, первый масштабный опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала завершился полным фиаско. Действия А. А. Кнауфа и его партнеров-кредиторов, решивших в одночасье превратиться в крупных уральских заводчиков, натолкнулись на ряд обстоятельств «внутреннего» и «внешнего» порядка, которые не позволили им реализовать свои, имевшие некоторый авантюрный оттенок планы. Иностранные инвесторы оказались недостаточно подготовленными к ведению сложного хозяйства в отдаленном российском регионе, имевшем по сравнению с Западной Европой большую и, видимо, не вполне ими осознанную специфику. Не смогли им помочь ни активная финансовая и организационная поддержка государства, заботящегося в первую очередь о «казенном интересе» и находящегося

«в рамках возможного», ни инициированные самими кредиторами и казной особые формы организации управления и собственности (кредиторское управление и акционерная компания). Видимо, несмотря на уже вековой опыт российской европеизации, Запад не был еще в первой половине XIX в. готов к такому непосредственному «контакту» с Уралом, а Урал – с Западом, каким явился пример предпринимательства Андрея Андреевича Кнауфа и его кредиторов.

Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.

Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Л., 1991.

Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное правление); Ф. 43 (Канцелярия главного начальника заводов хребта Уральского).

История предпринимательства в России. М., 2000.

Истории Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1998.

Лизунов П. В. Штиглицы – «некоронованные короли» российских финансов // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 35–51.

Металлургические заводы Урала XVII–XIX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: (Заводы и заводоладельцы). М., 1962.

Павлов А. Московский именитый гражданин А. А. Кнауф // Деловой Урал. 1999. № 27. С. 2.

РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия).

РГИА. Ф. 37 (Горный департамент Министерства финансов).

Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1999.

Ю. В. Боровик

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА УРАЛА В 1917–1921 гг.¹

В первые месяцы после Февральской революции 1917 г. общество «обновленной» России охватила эйфория. Поддержку Временному правительству выражали многие бывшие подданные империи. Лояльность к новой власти выказывалась и старообрядцами. Особенно распространенным было направление приветствий от упомянутых в предыдущей главе политических собраний, а также от отдельных старообрядческих обществ. Например, из Екатеринбурга «искренний привет водителям российского освободительного движения» был послан Успенской общиной: «Часовенное старообрядчество, как и весь русский

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 04-01-83 106а/У.